

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.07.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#pos=4;—80&pos2=3580;—50 (дата обращения: 11.11.21).

12. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н. А. Лопашенко, Р. О. Долотов, Е. В. Кобзева, К. М. Хутов, под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2019.

13. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 28.10.

14. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.05.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 11.11.21).

15. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 19.12.2005 № 161-ФЗ // Российская газета. № 288. 22.12.2005.

16. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части реформирования института банкротства) : Законопроект № 1172553–7. URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553–7](https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7) (дата обращения: 11.11.21).

УДК 347.72.032

ББК 67.404.013

ДОКТРИНА «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ»: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РОССИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАН АЗИИ

Т. А. Филиппова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

М. В. Лицкас

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Авторы статьи ставили цель дать сравнительно-правовой анализ доктрины «снятия корпоративной вуали» в контексте законодательства и судебной практики Российской Федерации и некоторых азиатских стран (Китайская Народная Республика, Индийская Республика). В процессе изучения данной проблемы сделан вывод о наличии в иностранном законодательстве сходных с российскими норм о запрете использования правового статуса компании с целью злоупотребления правом, о запрете аффилированности, а также дискуссионной нормы о полной солидарной ответственности единственного учредителя общества с ограниченной ответственностью. Кроме того, сделан вывод о всё более широком использовании данной доктрины в стране нетипичной для неё правовой семьи — Китайской Народной Республике. На основе материалов судебной практики Индийской Республики предложена классификация данной доктрины по критерию цели злоупотребления: в случае ограниченного подхода ответственность на контролирующих лиц возлагается в случае изначально фиктивной цели создания юридического лица, а в случае неограниченного подхода — за любое недобросовестное действие с использованием конструкции ограниченной ответственности учредителя (участника) компании по её долгам.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративная вуаль, юридическое лицо, субсидиарная ответственность, солидарная ответственность.

THE DOCTRINE OF “REMOVING THE CORPORATE VEIL”: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE OF RUSSIA AND SOME ASIAN COUNTRIES

T. A. Filippova

Altai State University (Barnaul, Russia)

M. V. Litskas

Altai State University (Barnaul, Russia)

In this article, the authors aimed to give a comparative legal analysis of the doctrine of “removing the corporate veil” in the context of legislation and judicial practice of the Russian Federation and some Asian countries (People’s Republic of China, Indian Republic). In the process of studying this problem, it was concluded that there are similar norms in foreign legislation with Russian ones on the prohibition of using the legal status of a company for the purpose of abuse of law, on the prohibition of affiliation, as well as a discussion rule on the full joint and several liability of the sole founder of a limited liability company. In addition, the conclusion is made about the increasing use of this doctrine in the country of an atypical legal family for it — the People’s Republic of China. Based on the materials of the judicial practice of the Republic of India, an attempt has been made to classify this doctrine according to the criterion of the purpose of abuse: in the case of a limited approach, the responsibility of the controlling persons is assigned in the case of the initially fictitious purpose of creating a legal entity, and in the case of an unlimited approach — for any unfair action using the limited liability structure of the founder (participant) of the company for its debts.

Keywords: corporate law, corporate veil, legal entity, subsidiary liability, joint and several liability.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2021\)4.10](https://doi.org/10.14258/ralj(2021)4.10)

В настоящее время при характеристике корпоративного права в России часто отмечается, что его реформирование происходит под влиянием зарубежного права. Как отмечает Е. А. Суханов, основными аргументами обычно служат «ссылки на различные подходы и конструкции англо-американского права как обладающего некими заведомыми преимуществами по сравнению с континентальным европейским правом» [1, с. 34]. К числу таких нововведений, прямо заимствованных из стран общего права, можно отнести и доктрину «снятия корпоративной вуали» (*piercing the corporate veil*), также часто называемую как «снятие» или «прокальвание» «корпоративных покровов». Итогом многолетнего изучения положения дел в иностранных юрисдикциях стало внесение некоторых доктринальных положений «снятия корпоративной вуали» в III раздел Концепции развития гражданского законодательства [2], посвящённый законодательству о юридических лицах.

В частности, авторы Концепции предлагали «усилить правила статьи 53 ГК об имущественной (деликтной) ответственности органов юридического лица перед соответствующим юридическим лицом, которая должна быть *солидарной*... и, как правило, *виновной*, наступающей лишь в случаях грубой неосмотрительности (неосторожности) или риска, не оправданного по условиям оборота», а также усилить правила о субсидиарной ответственности различных лиц, прежде всего учредителей (участников) юридического лица по его долгам при невозможности взыскания причиненных юридическому лицу убытков с виновных лиц. В дальнейшем оба этих предложения были реализованы в ходе реформы гражданского законодательства: первое — в виде статей 53.1 ГК РФ, 53.2 ГК РФ и других положений части первой ГК РФ, а второе — в нормах о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в делах о банкротстве. Прямого же закрепления в нормативно-правовых актах доктрины «снятия корпоративной вуали» не произошло. Сама же концепция на сегодняшний день не претерпела принципиальных изменений — в литературе она обычно рассматривается как механизм правового регулирования выявления оснований для преодоления принципа ограниченной ответственности корпорации [3, с. 20].

Судебная практика обратила внимание на существование данной доктрины спустя несколько лет. Так, например, общеизвестно, что Высший Арбитражный суд РФ счёл нужным впервые, пусть и мимоходом, применить данную доктрину в деле латвийского Parex банка в 2012 г. [4].

Само содержание доктрины «снятия корпоративной вуали» формировалось на рубеже XIX и XX вв. в странах англо-саксонской правовой семьи, — прежде всего в Великобритании и Соединённых Штатах Америки. В этих странах суды сформулировали базовые положения: например, о том, что «Корпорация по общему правилу будет пониматься как юридическое лицо и до тех пор, пока не будет основано доказано противоположное; вместе с тем, когда понятие юридического лица используется для нарушения публичных интересов, оправдания правонарушения, сокрытия мошенничества, защиты преступления, закон будет расценивать корпорацию как ассоциацию лиц» [5, с. 142]. Таким образом, данная доктрина у себя на родине изначально формировалась и носила сугубо прецедентный (судебно-правотворческий) характер, что отнюдь не исключает и её, пусть и ограниченное по понятным причинам, законодательное закрепление**. Необходимо отметить, что в странах романо-германской правовой семьи существует аналогичный правовой институт — «проникающая ответственность» (*Durchgriffshaftung*), возлагаемая на участников (учредителей) юридического лица перед кредиторами компании [1, с. 15].

В случае со странами Азии ситуация несколько иная — в данном регионе сосуществуют страны, принадлежащие к разным правовым семьям, разным типам экономических систем, с разной историей корпоративного права, соответственно этому различается и правовое регулирование «проникновения за корпоративную вуаль». В этой части интересными представляются законодательство и судебная практика двух государств — Китайской Народной Республики и Индийской республики.

Китайская Народная Республика

Пример Китайской Народной Республики отдалённо похож на российский опыт: здесь также был осуществлён переход от плановой социалистической экономики к рыночной капиталистической, также произошло создание корпоративного законодательства как важнейшей юридической базы для такого перехода. Другое дело, что Китай пошёл по этому пути гораздо раньше России и добился, следует отдать ему должное, гораздо больших успехов. При этом в связи с бурным ростом китайской экономики, создания большого количества юридических лиц неизбежно стали происходить ситуации «обхода» закона с целью переложить всю юридическую (прежде всего имущественную) ответственность на компанию. В связи с этим в 2005 г. в закон КНР «О компаниях» 1993 г. [6] были внесены изменения в части, касающейся проникновения за «корпоративный занавес» корпоративных юридических лиц. В частности, в него были добавлены статьи 20 и 64, устанавливающие солидарную ответственность участников (акционеров) корпорации за причинение ущерба кредиторам компании [7, с. 28].

В настоящее время статей, содержащих нормы о солидарной ответственности участников корпорации за их действия в составе компании, три (ст. 20, ст. 21 и ст. 63). Две из них (20 и 21) содержат общие нормы об ответственности и аффилированности учредителей (участников) компании, а статья 63 (бывшая ранее статьёй 64) посвящена ответственности единственного учредителя в случае создания так называемой компании одного лица.

Так, в статье 20 данного закона установлено, что: «...не допускается злоупотребление правовым статусом юридического лица компании и ограниченной ответственностью участников (акционеров) компании для причинения вреда интересам кредиторов компании». Кроме того, участники (акционеры) компании «несут солидарную ответственность в случае злоупотребления правовым статусом юридического лица компании и ограниченной ответственностью участников (акционеров) для уклонения от исполнения обязательств, в результате которого интересам кредиторов компании причиняется существенный вред».

Норма статьи 21 налагает запрет на использование отношений аффилированности (связанности) участников и (или) высших руководителей компании для причинения вреда интересам компании.

* Заметим, что не только обычно подразумеваемых физических лиц как субъектов такой корпорации, но и юридических лиц, в частности, когда несколько компаний подконтрольны другой компании через механизм зависимых и дочерних хозяйственных обществ.

** Так, например, в Английском Insolvency Act 1986 (Закон о несостоятельности) (§ 212–214) предусматриваются некоторые случаи ответственности контролирующих лиц в банкротстве.

В российском праве на данные правовые нормы по смыслу отдалённо похожи на нормы статей 53.1 (Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица) и 53.2 (Аффилированность) Гражданского кодекса РФ. Здесь также можно проследить *обязанность участников (учредителей) и высших руководителей нести ответственность за свои недобросовестные действия* (в том числе солидарно), причинившие убытки компании. Существенным различием является то, что китайский законодатель акцентирует внимание на причинении вреда не самой компании, а кредиторам такой компании.

Довольна интересна норма статьи 63 Закона КНР «О компаниях», посвящённая солидарной ответственности единственного участника компании по обязательствам компании в случае, если он не может подтвердить, что его личное имущество и имущество организуемой им компании — совершенно разное имущество.

На самом деле, это и есть классический случай проявления доктрины «прокалывания корпоративной вуали» в законодательстве. Действительно, в том случае, если лицо не может доказать, что его личное имущество и имущество созданной им корпорации — это разное имущество, то возникает закономерный вопрос: а какой смысл в существовании такой «корпоративной оболочки»? Наоборот, такое поведение может свидетельствовать, к примеру, о намерении «укрыться» за «корпоративным щитом» с целью не платить по долгам компании тем личным имуществом, которое у лица осталось после образования компании (оплаты уставного капитала).

Следует отметить, что аналогичной нормы в российском праве не существует. Здесь можно подумать над следующим вопросом: а нужна ли она в рамках российской правовой системы? Как представляется, на данный вопрос нельзя дать поверхностный и однозначный ответ.

С одной стороны, данная презумпция позволила бы более полно обеспечить интересы кредиторов таких «компаний одного лица», введя, по сути, неограниченную субсидиарную солидарную ответственность учредителя по долгам такой «микро»-компании, аналогичную ответственности полного товарища в товариществе (простом или на вере). С другой стороны, данное положение опирается на традиционное недоверие китайского законодателя к созданию «компаний одного лица», для которых даже предусмотрены специальные нормы и структурный раздел в законе (ст. 57–63 § 3 Закона КНР «О компаниях»). Поэтому китайское право больше ориентировано на аналогичный российскому режим «индивидуального предпринимателя» («индивидуальное частное предприятие», «индивидуальное торгово-промышленное предприятие», «торгово-промышленные индивидуальности», «предприятие с капиталом одного лица») [8]. В российском праве такого особого отношения нет: традиционным положением является то, что *учредителем и участником хозяйственного общества* (с ограниченной ответственностью или акционерного) *может быть и один участник*. В случае, если он не нарушает закон и добросовестно ведёт бизнес, «корпоративный щит» может обеспечить ему защиту от возложения на него ответственности по долгам компании и защитить от кредиторов. Российский законодатель предусмотрел и такую форму организации предпринимательской деятельности, которая не предполагает создание юридического лица: физическое лицо лишь наделяется особыми правами и обязанностями — получает статус «индивидуального предпринимателя» и отвечает по своим обязательствам всем своим личным имуществом в неограниченном объёме (ст. 24 Гражданского кодекса РФ).

В Китае, несмотря на формальное причисление его к странам романо-германской правовой семьи, даже больше, нежели чем в России или Германии, играют роль акты толкования права со стороны высших судебных инстанций. Не стала исключением и ситуация с «корпоративной вуалью»: в 2011 г. Верховным Народным судом было принято постановление по трактовке положений статей 20 и 63 Закона КНР «О компаниях» [9, с. 77]. В данном постановлении Верховный суд обоснованно посчитал нужным предоставить средства защиты кредиторам в ситуациях, когда акционеры недобросовестно содействовали банкротству своей компании (вывели активы, совершили ряд сомнительных сделок и т. д.).

Как указывают в своём исследовании Ричард Кревер и Кимберли Бин Ю (ссылаясь на исследования китайской судебной практики с 2006 по 2010 г. профессора Пекинского университета Ху Хуана), «за период, охватываемый этим исследованием, суды проникли за корпоративную завесу почти в 69 процентах случаев, по сравнению с показателями успеха истцов-кредиторов в юрисдикциях об-

щего права, выявленными другими исследованиями, в 47 процентах в Великобритании, 40–48 процентах в Соединенных Штатах и 38 процентах в Австралии» [9, с. 79]. Проводимое уже ими самостоятельное исследование показало наличие и в 2012–2014 гг. тенденции к *геометрическому* увеличению числа таких споров о прокалывании вуали, а также процента положительных решений о таком «проникновении за вуаль», причём рост касался и числа успешных решений о возложении на единственного учредителя ответственности по долгам «компания одного лица» [9, с. 80].

В целом, следует отметить, что Китай пошёл по пути англо-американского права, довольно серьёзно и глубоко заимствовав основные положения доктрины «piercing the corporate veil», что можно объяснить особенностями правовой системы Китая, обладающей интересным сходством со странами «common law» в силу, прежде всего, обширных экономических связей с такими странами. Тому подтверждением и вышеуказанная парадоксальная статистика: страна, которая заимствовала доктринальные положения других стран, применяет их гораздо чаще и успешнее, чем сами эти страны.

Индийская Республика

Если Китайская Народная Республика формально принадлежит к континентальной правовой системе, хотя по факту и с большой долей правотворческого влияния судов, то Индия — это исторический пример именно страны «общего права». Базовым законодательным актом, регулирующим корпоративные отношения, здесь является Companies Act (Закон о компаниях) 1956 г. с дополнениями от 2013 г. [11]. В нём индийский законодатель довольно подробно урегулировал различные случаи «прокалывания корпоративной вуали». Приведём некоторые нормы закона.

Так, например, в соответствии со статьёй 216 Закона «О компаниях», «если Центральному правительству кажется, что для этого есть основания, оно может назначить одного или нескольких инспекторов для расследования и представления отчетов по вопросам, касающимся компании и ее членства, с целью определения истинных лиц — (а) тех, кто финансово заинтересован или был заинтересован в успехе или неудаче, реальной или кажущейся, компании; или (b) которые контролируют или могли контролировать или существенно влиять на политику [компании], (c) которые имеют или имели выгодный интерес в акциях компании или которые являются или были бенефициарными владельцами или значительными бенефициарными владельцами компании».

Применительно к процедуре банкротства компаний, ответственность по её долгам в отношении любого лица, которое сознательно участвовало в недобросовестном (мошенническом) ведении бизнеса, причинившим вред кредиторам или иным лицам, может быть распространена в неограниченном объёме на личное имущество таких лиц (статьи 339 и 447).

Индийская судебная практика, посвящённая данному вопросу, имеет давнюю историю, и, как и следовало ожидать, богата различными прецедентами, в которых нашла отражение данная доктрина.

Например, ещё в 1969 г. в деле «Juggilal Kamlatpat, Kanpur v. CIT», Верховный суд Индии указал, что «суд имеет право снимать маску юридического лица, когда она используется для уклонения от уплаты налогов или для обхода налоговых обязательств, или для совершения мошенничества» [11].

Здесь следует отметить следующее: в 2013 г. Верховный суд Индии вынес решение по делу «Balwant Rai Saluja & Anr Etc. Etc. v. Air India», в котором закрепил *ограниченный* подход к «прокалыванию вуали»: в частности, такое «прокалывание» возможно лишь тогда, когда изначально осуществлялось явное создание *фиктивных юридических лиц* с какой-либо противоправной целью.

Другое дело, когда учредители (участники) корпорации изначально действительно хотели заниматься предпринимательской деятельностью, но по тем или иным причинам ведут бизнес недобросовестно с целью избежать ответственности и «укрыться» за корпоративным щитом. Соответственно, за любое такое недобросовестное действие, причинившее вред кредиторам или иным третьим лицам, суд может возложить ответственность на такое лицо (лиц). Интересно, что такое видовое разделение «прокалывания вуали» не ново, оно берёт своё начало в прецедентном праве Великобритании (Дело «Snook v. London and West Riding Ltd.»), откуда было заимствовано и индийским правоприменителем.

Примером такого *неограниченного* «проникновения за вуаль» является вышеупомянутое дело «Juggilal Kamlatpat, Kanpur v. CIT», а также, к примеру, недавнее дело «Sukumar v. Secretary, ICAI & Ors., Special Leave Petition», в котором Верховный Суд указал, что вуаль необходимо «отодвигать», когда «корпоративная личность используется для уклонения от обязательств, налагаемых законом» (пункт 50).

Следовательно, в случае Индии необходимо различать два вида «прокалывания вуали»: когда юридический факт, во-первых, существует, но в силу недобросовестного поведения субъекта он аннулируется, во-вторых, не образуется вовсе, он недействителен с самого начала, а не признан таковым впоследствии.

Таким образом, можно отметить, что доктрина «прокалывания корпоративной вуали» используется в большинстве случаев как способ борьбы со злоупотреблениями корпоративными правами, она находит отражение в законодательстве и судебной практике России и азиатских стран, имея при этом свои специфические особенности. Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет уточнить основания ее применения с использованием опыта зарубежных стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Суханов Е. А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды 2013–2017 гг. М. : Статут, 2018. С. 33–35.

2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2009. N 11.

3. Шишмарева Е. С. Доктрина «снятия корпоративной вуали» в зарубежных странах и в России: магистерская диссертация. Красноярск, 2019.

4. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 N 16404/11 по делу N А40–21127/11–98–184.

5. Решение Окружного суда Восточного округа Висконсина по делу U. S. v. Milwaukee Refrigerator Transit Co., P. 142 F. 247 (E. D. Wis. 1905).

6. Закон КНР «О компаниях» (People's Republic of China Company Law) GH IP&Legal, URL: http://ghiplegal.com/static/frontend/img/pdf/company_law_en.pdf (дата обращения: 18.11.2021).

7. Галихайдаров Е. В. Применение доктрины «Piercing the corporate veil» в гражданском праве Китайской Народной Республики (Ч. 1: Анализ законодательства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 2.

8. Стрелкова И. И. Законодательство Китая о банкротстве: основные этапы эволюции // Юридические исследования. 2017. № 1. С. 75–90.

9. Yu K. B., & Krever R. (2015). The High Frequency of Piercing the Corporate Veil in China // Asia Pacific Law Review, 23 (2). P. 63–87.

10. Закон Индии «О компаниях» 2013 г. (Companies Act 2013) Ministry of Corporate Affairs: Government of India. URL: <http://ebook.mca.gov.in/default.aspx?page=main> (дата обращения: 18.11.2021).

11. Juggi Lal Kamalapat vs Commissioner Of Income-Tax, U. P. on 4 September, 1968, point 13. Indian Kanoon. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1976113/> (дата обращения: 18.11.2021).